

Кто, о ком на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики¹

Концептуализация заботы

Ученые, изучающие гендерные аспекты социальной политики, не сразу обратились к проблематике родительства, и вопрос о том, как организована социальная забота, оставался для них второстепенным по сравнению с проблемами участия женщин в оплачиваемой занятости (Kremer 2005, 2006; Pfau-Effinger 2000). Исследования, которые касались измерения заботы, как правило, фокусировались на микроуровне гендерных отношений, ограничивались рассмотрением семейной заботы и практически не связывали ее с политикой государства всеобщего благосостояния (Daly 2002). Для нас в анализе семейной политики центральным является вопрос о том, кому предписывается и кто выполняет функции заботы о детях. Именно ответ на него представляется наиболее важным показателем, определяющим специфику той или иной модели семейной политики.

Применительно к теме нашего исследования — анализу моделей семейной политики — мы будем рассматривать заботу в терминах институциональных условий и принципов, в соответствии с которыми осуществляется деятельность по уходу за зависимыми членами семьи (детьми, пожилыми, больными и пр.) (Daly 2002; Daly, Rake 2003). Условно можно выделить три значения концепта заботы, которые сложились в научной литературе:

- понятие, используемое для того, чтобы описать специфический женский опыт, связанный с выполнением этих обязанностей;
- специфический тип отношений, складывающихся между субъектом и объектом заботы;
- особый вид работы, выполняемый в рамках определенных социальных и экономических отношений.

Понятие «забота» является важным для феминистских исследователей. Долгое время она была категорией анализа, характеризующей специфический женский опыт, в первую очередь материнство. Изначально категория заботы была гендерной категорией, поскольку с ее помощью описывалась особая жизненная ситуация, связанная с репродуктивными возможностями женщин. Нормативные гендерные

¹ Вариант текста данного раздела ранее опубликован: (Чернова 2011а).

роли для женщин (мать, жена) предполагали, что именно они будут выполнять неоплачиваемую домашнюю работу и заботиться о близких (детях, старших и больных родственниках). В феминистской теории такие роли были проанализированы в терминах власти, которая инкорпорирована в семейные и родственные отношения. Экономически они были связаны со сложившимся гендерным разделением труда, когда выполнение неоплачиваемой домашней работы способствует (вос)производству патриархата и эксплуатации женщин, закрепляя за «женской» работой вторичный статус по сравнению с «мужской» (оплачиваемой и видимой). В фокусе большинства исследований было изучение заботы в сфере семьи.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов исследователи обратились к анализу оплачиваемой заботы (Graham 1991) и более детальному рассмотрению роли социальной политики и государства в институционализации заботы (Ungerson 1997). Это первое направление позволило проблематизировать идеологическую и материальную составляющие социальной заботы, связанные с (вос)производством женщин как основных поставщиков подобного рода услуг в семье и обществе в целом.

Вторым направлением было изучение эмоциональной составляющей заботы, практики, основанной на позитивных чувствах. В этих исследованиях был сделан акцент на этической стороне данной деятельности, подчеркнута роль заботы в поддержании благосостояния индивидов и общностей, выделены нравственные принципы, «инкорпорированные» в заботу (эмпатия, альтруизм, самопожертвование). Забота рассматривается как особый вид социальных отношений, базирующихся на осознании значимости близости между людьми, отношений взаимозависимости, предполагающих открытость и доверие, альтруизм и бескорыстие, забота расценивается как этическая практика. В данном понимании забота определяется как система ценностей, задающая набор социальных действий и репертуар отношений между субъектом и объектом заботы (Sevenhuijsen 2000), а значит, она перестает быть исключительно гендерной категорией, конституирующей нормативную женственность, ее осуществление не связывается исключительно с семьей. Забота может быть локализована вне семьи, например в третьем секторе, и осуществляться в рамках волонтерской и благотворительной помощи (Tronto 1993: 40).

Третье направление концептуализации заботы представлено в исследованиях, посвященных социальной политике. Главное внимание уделяется тому, как социальная политика отвечает на

потребность в заботе о зависимых категориях граждан, как и в какой форме происходит институционализация этого специфического вида труда, оплачиваемого или неоплачиваемого, формального или неформального. Нужно отметить, что данное направление исследований использовало феминистскую перспективу понимания заботы, исходя из того, что все большее количество женщин участвует в профессиональной занятости и что они имеют все меньше возможностей заниматься домашней работой и уходом за детьми, пожилыми и больными родственниками. Государства всеобщего благосостояния по-разному «ответили» на сложившийся дефицит заботы в обществе, обеспечив разные режимы заботы (Daly 2002; Daly, Rake 2003). Организация заботы является частью семейной политики государств всеобщего благосостояния, различия между которыми заключаются в том, кто и на каких условиях берет на себя ответственность за осуществление ухода за зависимыми категориями граждан: государство, рынок, или семья (Ungerson 1995; Anttonen, Sipilä 1996).

В рассматриваемом подходе возникает спорная дихотомия оплачиваемой и неоплачиваемой работы. В отличие от формальной занятости, забота определяется как неоплачиваемая работа, которая выполняется женщинами в семье. Так, Х. Грэхем исследовала понятие домашней, основанной на родстве заботы (*home-based kin-care*) и пришла к выводу, что исключаются все формы внесемейной заботы (услуги, предоставляемые государством или рынком), а также не учитывается то, что значительная часть домашней работы (например, уборка) выполняется наемными работниками, мигрантами. Сложившееся в феминистских исследованиях понимание заботы как эмоциональной работы не позволяет анализировать другие виды домашней работы, а также говорить о властных отношениях, которые существуют не только между мужчинами и женщинами, но и между различными группами женщин (Graham 1991). Отношения заботы порождают новую цепочку социальных неравенств — между матерями и нянями, хозяйками дома и домработницами.

Кроме того, противопоставление заботы, осуществляемой в рамках формальных институтов (детских учреждений, домов престарелых, больниц и пр.), неформальной заботе, выполненной в приватной сфере и семье, делает сравнительный анализ семейной политики государств всеобщего благосостояния излишне схематичным. Режим заботы в каждом конкретном случае может представлять конфигурацию различных предписаний и практик осуществления ухода, выстраиваться в зависимости от объекта заботы (дети, пожилые) и не

быть когерентным. Так, в рамках одного режима заботы могут сосуществовать различные предписания о том, кто и где будет лучше заботиться о детях (родная мать, няня, воспитатели в государственных или частных детских учреждениях), которые не обязательно будут сводиться к одному «поставщику» услуг (семье, рынку, государству).

Общества «дефицита заботы»: кто о ком и как заботится?

А. Хохшильд определяет заботу как эмоциональные связи и взаимоотношения, которые обычно возникают между тем, кто осуществляет заботу, и тем, о ком заботятся; а также как обязательство, в соответствии с которым тот человек, который осуществляет заботу, чувствует себя ответственным за благополучие других и выполняет интеллектуальную, эмоциональную и физическую работу как выражение этой ответственности (Hochschild 2003: 214). Автор отмечает, что практически все типы заботы требуют от заботящегося изрядной личной и эмоциональной вовлеченности в такого рода отношения, но они редко рассматриваются в терминах работы. Скорее всего, она кажется нам естественной и легкой (Hochschild 2003: 215). Между тем, заботясь о ком-то, люди не просто выражают любовь и привязанность, они вкладывают свое время, эмоции, причем точкой референции для них являются нормативные представления о том, какие чувства должен испытывать человек в конкретной жизненной ситуации. Например, материнство носит положительную эмоциональную окраску, а значит, предписывает женщине испытывать любовь и нежность по отношению к ребенку. При этом негативная эмоциональная тональность материнства (чувства раздражения, недовольства, фрустрации, которые может испытывать женщина) не вписывается в нормативную модель «счастливой» матери.

Практически все исследователи указывают на изменения, которые произошли в сфере семейных отношений в развитых индустриальных странах в последние десятилетия:

- повышение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка;
- снижение уровня брачности;
- широкое распространение партнерских союзов;
- увеличение числа разводов;
- увеличение доли монородительских семей, преимущественно материнских;

- повышение числа внебрачных рождений;
- ослабление обязательств между мужчинами и детьми, выраженная в том, что интенсивность контактов между отцами и детьми после развода существенно уменьшается.

Эти и другие трансформации брачно-репродуктивного поведения накладываются на изменения в формальной занятости женщин, которая характеризуется устойчивой тенденцией к их все большему участию в сфере труда. Данный факт делает проблему совмещения семейных и профессиональных обязанностей особенно актуальной. По мнению А. Хохшильд, все это влияет на изменение потребности в заботе. Большая часть ответственности за выполнение заботы по-прежнему ложится на женщин. Они вынуждены принимать решение, кто будет обеспечивать уход за нуждающимися членами семьи. Работающие матери пытаются найти баланс между домашними и профессиональными обязанностями, расставить приоритеты между собственными интересами и интересами ребенка. Хохшильд подчеркивает, что данная задача по совмещению ролей часто осложняется двумя факторами: реальным и/или номинальным отсутствием партнера, с которым женщина разделяет выполнение домашней работы и заботу о детях; условиями профессиональной деятельности, не допускающими гибкий график работы, частичную занятость, самозанятость, т. е. не позволяющими ей сочетать материнство и работу, создавая ситуацию «жесткого выбора» между материнством и профессией.

Ситуацию, в которую попали многие работающие женщины, исследователь называет «блокированной гендерной революцией». Что стоит за этим определением? Революционные по своей сути изменения состоят в том, что в последние десятилетия XX века в большинстве западных стран женщины перестали быть только домохозяйками, они стали активно выходить на рынок труда и участвовать в оплачиваемой занятости. Однако эта эмансипация затронула преимущественно женщин, расширив для них репертуар возможных ролей и жизненного выбора, в то время как маскулинность осталась практически без изменений. По-прежнему роль «сильного кормильца» выступает нормативной моделью и не предполагает равного участия мужчин и отцов в выполнении домашней работы, осуществлении ухода за детьми и их воспитании. В большинстве случаев феномен «новое ответственное отцовство» до сих пор остается дискурсивной инновацией, характерной для молодых образованных мужчин среднего класса и не получившей широкого распространения наряду с другими типами мужественности.

Современные западные общества переживают рост потребности в заботе, который происходит на фоне сокращения «объема» заботы как на уровне политики, проводимой государством, так и в повседневной жизни людей. Иными словами, дефицит заботы проявляется на институциональном и индивидуальном уровнях. Сокращение помощи со стороны государства одиноким матерям, инвалидам и другим зависимым категориям граждан является общим трендом для моделей семейной политики государств всеобщего благосостояния, которые стремятся сократить свои расходы на содержание и развитие социальной инфраструктуры за счет привлечения средств работодателей, возможностей гражданского общества и самих семей в осуществлении этого вида поддержки. Конфликты между супругами по поводу выполнения домашней работы, организации ухода за детьми и их воспитания, когда экономически активные женщины-матери не могут «поставлять» в прежнем объеме необходимую их домохозяйствам заботу, также вносят свой вклад в формирование дефицита на микроуровне.

В политическом дискурсе современных государств всеобщего благосостояния присутствуют несколько «идеалов» заботы:

- «полное материнство»: женщина посвящает все свое время исключительно уходу за ребенком и его воспитанию (*full-time mother care*);
- «участие обоих родителей»: и отец и мать разделяют обязанности по организации ухода за ребенком (*parental sharing*);
- «расширенное материнство»: в уходе за ребенком и заботе о нем участвуют бабушки и другие родственники (*intergeneration care*);
- «суррогатная материнская забота»: для присмотра за ребенком родители нанимают няню (*surrogate mother care*);
- «профессиональная забота» (*professional care*) (Kremer 2006).

С одной стороны, перечисленные «идеалы» являются рамками референций для политиков, педагогов, врачей, социальных исследователей и других акторов в дебатах о том, кто, о ком и на каких условиях должен заботиться. С другой стороны, идеалы заботы конкурируют за доминирующее место в официальном дискурсе, определяющем идеологическую направленность семейной политики, поскольку они формируют нормативное представление о «правильном» уходе за ребенком. Важно отметить, что существующие идеалы заботы не являются ригидными моральными императивами. Они контекстуальны и выступают результатом переговоров внутри семьи, а также между семьей и другими акторами семейной политики, составляют режим заботы, принятый в том или ином государстве.

Таким образом, основной вопрос, на который пытаются найти ответ политики и социальные исследователи: кто будет выполнять те обязанности, которые раньше делали жены, матери и дочери в рамках семьи? Иными словами, кто и на каких условиях восполнит дефицит заботы, существующий на индивидуальном и институциональном уровнях? По мнению А. Хохшильд, можно говорить о сосуществовании четырех моделей заботы, каждая из которых основана на особом понимании заботы, а также представления о том, кто ее должен осуществлять, в каком объеме, какой тип заботы является наилучшим (Hochschild 2003: 214). Рассмотрим их более подробно.

Традиционная модель заключается в том, что женщины должны вернуться домой, где они будут обеспечивать неоплачиваемую заботу, основанную на родственных связях. В этом случае политический дискурс основывается на традиционной модели семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой (идеал заботы — «полное материнство» по типологии М. Кремер). Выполнение экспрессивной функции, заботы, является конституирующим элементом нормативной гендерной роли для женщин. По мнению А. Хохшильд, такое решение ведет к полному аннулированию экономической эмансипации женщин. Поскольку мужчины исключены из сферы выполнения заботы, то забота по-прежнему остается обесцененной; она также не будет определяться в терминах работы, так как не измеряется в денежном эквиваленте, а рассматривается как выражение естественного предназначения женщин. Преимущество этой модели для мужчин состоит в том, что женщины выполняют заботу, а сама забота является персонифицированной. Ограничения традиционной модели заботы связаны главным образом с долгосрочными тенденциями, обусловленными возрастающей эмансипацией женщин и их интеграцией в сферу занятости, в результате все меньшее число женщин будет (вос)производить данную модель заботы в «чистом» виде. Для женщин вопрос заключается не в том, действительно ли они хотят быть домохозяйками, а в том, что сейчас, когда около половины браков заканчивается разводом, могут ли они быть уверены в стабильности своего положения (Hochschild 2003: 219). И в этом случае неотрадиционализм семейной политики, не гарантирующий стабильности браков, является неадекватным из-за своей нормативной ориентации на крепкие семьи с одним работающим супругом.

Постсовременная модель представлена гендерным контрактом «работающая мать», который предполагает совмещение женщинами домашних, родительских и профессиональных обязанностей

без дополнительной помощи со стороны государства, работодателя, мужа и других акторов. Данная модель выстраивается на основе образа не заботливой жены и матери, а независимого отдельного индивида, не нуждающегося в заботе. Такое переформатирование легитимирует дефицит заботы, существующий в семье и обществе в целом, поскольку диапазон потребностей в заботе значительно сокращается. Забота рассматривается как бремя обязанностей, которое ограничивает жизненные возможности как женщин, так и мужчин, а те группы, которые традиционно определялись как нуждающиеся в заботе (дети, старики), конструируются как способные самостоятельно позаботиться о себе. Большую роль в формировании постсовременной версии заботы играют медиарепрезентации, предлагающие образы детства и старости, соответствующие данной модели. В качестве одного из примеров можно привести популярный фильм «Один дома», репрезентирующий идею суперребенка, способного самостоятельно справиться со многими трудностями, начиная от покупки продуктов и заканчивая противостоянием с грабителями. В государственном секторе, предоставляющем услуги по уходу, некоторые практики также соответствуют постсовременной модели заботы: ранняя выписка матерей после родов, сокращение времени пребывания в больнице после серьезных хирургических операций и др. В целом это иллюстрирует отказ государства от семейной политики, направленной на защиту детей и поддержание женщин, в чем Хохшильд видит выражение постсовременной модели заботы. Казалось бы, необходимо изменить дискурсивное представление о заботе и рассматривать заботу как нечто необязательное и ненужное, но это вряд ли возможно: семейная, неформальная забота высоко востребована в межличностных отношениях, конституирует межпоколенческую солидарность на уровне отдельной семьи и общества в целом.

Современная модель «холодной» заботы (*cold modern model*) представлена безличной формой институционализированной заботы, предоставляемой в течение продолжительного времени, например 10–12 часов в детских учреждениях или круглосуточно в домах престарелых. Она основана на идее о том, что потребность в заботе может быть удовлетворена вне семьи, а вопрос о распределении заботы между семейными, неформальными и формальными поставщиками однозначно решается в пользу последних. В качестве акторов, которые заинтересованы в доминировании данной модели заботы, А. Хохшильд называет корпорации и других работодателей, стремящихся минимизировать семейные обязательства своих работников и вынуждающих работающих родителей делать выбор

в пользу институционализированных форм заботы о детях. Для модели характерна коммодификация заботы, когда забота о детях и пожилых становится товаром, который предлагается одними и покупается другими группами населения, калькуляция его стоимости производится в соответствии с рыночными принципами. В этом случае потребители заинтересованы в качестве заботы об их детях и пожилых родственниках.

Современная модель «теплой» заботы (*warm modern model*) выражена следующим образом. Институты обеспечивают относительно небольшую часть заботы о пожилых и детях, в то время как мужчины и женщины одинаково участвуют в осуществлении заботы в рамках семьи. Возможно провести аналогии с идеалом заботы, которую М. Кремер описывает как участие обоих родителей в уходе за ребенком (*parental sharing*). Эта модель представляется А. Хохшильд наиболее привлекательной по следующим причинам:

- общественные институты принимают участие в выполнении заботы, что соответствует современным изменениям в оплачиваемой занятости женщин, позволяя им совмещать материнские и профессиональные обязанности;
- не вся забота делегируется государственным или рыночным поставщикам, отношения, характеризующие заботу, остаются персонифицированными, «теплыми»;
- модель соответствует идеологии гендерного равенства, когда и мужчины и женщины принимают участие в выполнении заботы.

В отличие от постсовременной модели, в данном случае потребности в заботе не сокращены и не ликвидированы полностью, напротив, выполнение этих функций рассматривается как важная работа, обладающая большой социальной значимостью (Hochschild 2003: 219–222).

Предложенная А. Хохшильд типология позволяет рассматривать модели заботы в качестве культурных образцов, вписанных в контекст гендерной культуры общества. Проблематизация дефицита заботы позволяет еще раз подчеркнуть важность включения категории заботы в анализ моделей семейной политики. Такой фокус рассмотрения позволит понять, как определяется забота о детях в рамках той или иной модели, трактуется ли она как естественная обязанность женщин, которая должна выполняться главным образом в рамках семьи, или же осознается как особый вид работы, требующий соответствующего признания, в том числе материального вознаграждения; кому делегируется выполнение работы по организации заботы, как эта работа распределена между государством,

рынком, мужчинами и женщинами и на каких условиях выполняется. Однако, как и любая типология, она носит схематичный характер и представляет собой некую констатацию существующих способов решения проблемы дефицита заботы в современных западных обществах, не указывая на причины, в силу которых сложился тот или иной режим заботы. Использование идеалов заботы, предложенных М. Кремер, позволит сравнить семейную политику в различных государствах всеобщего благосостояния с учетом нормативных представлений о семье и гендерной идеологии.

Социальная забота как полезная категория анализа

Современные авторы пытаются пересмотреть основания феминистской теории и найти новые «культурные конструкты» женственности, более адекватные тем вызовам, с которыми сталкиваются женщины, стремясь совместить обязанности жены и матери с требованиями рынка труда в государстве всеобщего благосостояния (Hochschild 2003). К. Томас предложила схему анализа социальной политики, позволяющую не только реконструировать нормативную модель заботы, характерную для того или иного общества, но и сравнить различные модели семейной политики по таким основаниям, как субъект, объект, локализация и статус заботы в обществе (Thomas 1993). Рассмотрим эти измерения более подробно.

Субъект заботы — тот, кто заботится. Субъекты заботы могут быть определены с помощью семейных статусов: «жена», «мать», «дочь», профессиональных ролей: «медсестра», «социальный работник», а также принадлежности к тому или иному сектору, в рамках которого осуществляется забота: «волонтер», «наемный работник». Здесь важен акцент на гендерной характеристике этих ролей, так как эти функции в обществе выполняются преимущественно женщинами.

Объект заботы — тот, за кем ухаживают. В большинстве случаев получатели заботы делятся по возрастным признакам или состоянию здоровья. К данной группе может относиться и семья как объект заботы со стороны государства. По мнению Томас, важным в данном случае является «статус зависимости» (*dependency status*), которым наделяются те, кого окружают заботой.

Характер взаимоотношений между субъектом и объектом заботы, как правило, определяется в терминах эмоциональной насыщенности и позитивно окрашенных отношений и обязательств. Семейные отношения рассматриваются как базовые для отноше-

ний заботы, кроме того, межличностные отношения могут основываться на дружбе и добрососедстве (*neighbourliness*), а также возникать между незнакомыми людьми, связанными отношениями заботы в силу формальных или добровольческих услуг по оказанию помощи (примером служат отношения между воспитателем в детском саду и ребенком, волонтером в социальной службе и клиентом). В последнем случае предполагается, что отношения заботы формируются между незнакомыми людьми в рамках определенных институциональных условий для выполнения взаимных обязательств.

Локализация заботы. В обществе существует разделение труда на публичную и частную (или домашнюю) сферы. В зависимости от локализации само понимание заботы приобретает определенные характеристики. Например, если речь идет о традиционном гендерном разделении труда, то субъектом заботы выступают исключительно женщины, объектом — дети, старики и больные родственники, забота осуществляется дома, в частной сфере, а отношения между всеми участниками носят персонифицированный характер, основанный на родственной любви и взаимной привязанности. При этом забота не рассматривается в категориях работы, а понимается как естественное выражение любви и близости, существующей, например, между матерью и ребенком. В этом случае все остальные формы заботы, локализованные в публичной сфере, оказываются за рамками изучения, и наоборот. Таким образом, локализация заботы выступает конституирующим признаком определения заботы в целом.

Статус заботы и экономический характер отношений, связанных с ней, зависят от того, оплачивается или нет работа по уходу. Это измерение пересекается с локализацией заботы, но использование данного измерения в анализе позволит сделать его более многомерным. Так, выполнение данных функций нянями и сиделками будет оплачиваемой работой, но последняя не будет иметь высокого социального статуса. Волонтерский труд, локализованный в публичной сфере, не предполагает материального вознаграждения его исполнителям, но имеет высокое символическое значение согласно идеологии добрых дел. Однако в литературе, посвященной заботе, авторы, как правило, рассматривают заботу одного типа, осуществляемую в частной сфере и не имеющую характера оплачиваемого труда.

Институциональные условия, в которых осуществляется забота, связаны с политикой государства всеобщего благосостояния,

которая предполагает разделение ответственности за осуществление заботы между семьей, государством и рынком. Данное измерение представляет собой социальную заботу, т. е. определенную деятельность и набор отношений на пересечении ответственности государства, рынка, семьи и третьего сектора (Daly, Lewis 2000).

Изменения в определении места и ценности заботы в социальной политике государства всеобщего благосостояния связаны, с одной стороны, с произошедшим сокращением предоставляемых государством мер поддержки, а с другой — с возрастанием потребности в этих услугах и проблематизацией качества такого рода помощи. Что обусловило формирование повышенного спроса на социальную заботу? К основным причинам относится появление смешанной экономики государства всеобщего благосостояния, ориентированной на передачу функций по осуществлению заботы от государства как главного поставщика (различных видов прямой материальной и косвенной сервисной поддержки) семье и волонтерскому сектору (приватизация заботы), а также маркетизация данного вида услуг.

М. Дейли и Дж. Льюис выделяют три аспекта рассмотрения социальной заботы. Во-первых, уход и забота являются трудом, что позволяет сравнивать их с другими видами занятости, говорить о содержании, условиях и оплате труда. Такое понимание заботы позволяет проанализировать роль государства всеобщего благосостояния с точки зрения того, является ли работа по осуществлению заботы оплачиваемой или нет, формальной или неформальной занятостью, локализованной преимущественно в приватной и/или публичной сфере. Во-вторых, важны нормативные представления о том, кто и где должен осуществлять заботу и на каких условиях, — так называемый дискурс заботы, направленный на определение и легитимацию конкретных образцов заботы в качестве доминирующих. При такой постановке вопроса анализ направлен на изучение социальных отношений заботы, того, каким образом они распределены между мужчинами и женщинами, на роль государства в ослаблении или укреплении существующих норм о заботе. В-третьих, социальной заботой как деятельностью занимаются различные акторы (государство, семья, рынок, третий сектор), поэтому встает вопрос о том, как распределяется ответственность между этими поставщиками услуг: между мужчинами и женщинами, между семьей, государством и рынком. Конфигурация разделения заботы между этими акторами может варьиро-

вать в зависимости от конкретной политики государства всеобщего благосостояния, установленного режима заботы (Daly, Lewis 2000; Lewis 1998).

Стратегия анализа политики государства всеобщего благосостояния сквозь призму заботы включает рассмотрение производства и потребления заботы на макро- и микроуровне. Изучение на макроуровне ориентировано на исследование инфраструктуры социальной заботы, характерной для общества в целом, которая может быть описана с учетом наличных денег (*cash*), получаемых за выполнение работы данного вида (например, размер пособия по уходу за ребенком, стоимость услуг няни и возможные варианты их оплаты), а также стоимости услуг, предоставляемых семьей, государством, рынком и третьим сектором. В этом случае важно понять, насколько прямые материальные выплаты адекватны реальным затратам семьи на осуществление заботы; что входит в пакет косвенных форм поддержки, предоставляемых поставщиками услуг, каково их качество и доступность. Это позволит выделить вклад каждого актора в выполнение заботы в целом, обозначить институциональные особенности, которые влияют на организацию заботы каждым актором и разделение ответственности между акторами, а также выявить типы политики, которая их (вос)производит. Изучение на микроуровне концентрирует внимание на содержании и контексте выполнения работы, связанной с заботой о зависимых членах семьи. Как распределяются гендерные роли внутри семьи? Сколько времени тратит каждый из взрослых членов семьи на выполнение домашней работы, уход за ребенком и его воспитание? Является ли установленное разделение труда между супругами неизменным или оно переопределяется в зависимости от карьерной ситуации каждого из них, возраста ребенка? Какие еще акторы, кроме родителей, участвуют в воспитании детей, и в чем выражается их помощь? Анализируя (вос)производство благосостояния на микроуровне, исследователи экстраполируют свои выводы о социальной заботе на общество в целом и приходят к выводу о государственном патриархате в обществах всеобщего благосостояния (Daly, Lewis 2000: 286).

Меры политики заботы

Основными для нашего исследования являются вопросы:

- Как институционализована забота о детях (родительство) в той или иной модели семейной политики?